

УДК 903 (477) «637»

О роли поздняковской и марьяновской культур в генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века

Буйнов Ю. В.

Буйнов Ю. В. Про роль поздняківської та мар'янівської культур у генезі пам'яток малобудківського типу фіналу доби бронзи. Головна проблема пропонованої теми пов'язана з генезою бондарихинської культури, ранній період якої репрезентовано пам'ятками малобудківського типу. Автор статті в черговий раз робить спробу довести існування єдиної мар'янівсько-бондарихинської етнокультурної лінії розвитку доби пізньої бронзи в Дніпро-Донському Лісостепу. Наявні археологічні дані повністю спростовують гіпотезу про участь племен Поволзько-Окського басейну у генезі бондарихинської культури.

Ключові слова: поздняківська культура, мар'янівська культура, бондарихинська культура, фінал доби бронзи.

Буйнов Ю. В. О роли поздняковской и марьяновской культур в генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века. Основная проблема данной темы связана с генезисом бондарихинской культуры, ранний период которой представлен поселениями типа Малые Будки. Автор Статьи в очередной раз пытается доказать существование единой марьяновско-бондарихинской линии этнокультурного развития позднего бронзового века в Днепро-Донской Лесостепи. Имеющиеся археологические данные не подтверждают какого-либо участия племен Волго-Окского региона в происхождении бондарихинской культуры.

Ключевые слова: поздняковская культура, марьяновская культура, бондарихинская культура, финал бронзового века.

Vujnov Y. On the role of Pozdnyakovskaya and Maryanovskaya cultures in the genesis of such monuments malobudkovskogo finals of the Bronze Age. The main problem of this topic is related to the genesis of bondarihinskoy culture, the early period is represented populations such as small booth. Author of the article once again tries to prove the existence of a single-Maryanovsky bondarihinskoy lines of ethnic and cultural development of the Late Bronze Age in the Dnieper-Don Steppe. Available archaeological data do not support any involvement of the tribes of the Volga-Oka region in the origin bondarihinskoy culture.

Keywords: Pozdnyakovskaya culture, Maryanovskaya culture, Bondarihinskaya culture, Final of Bronze Age.

Обозначенная в названии данной статьи тема, относится к наиболее сложной и дискуссионной проблеме – поиску генетических корней бондарихинской культуры (далее БК) финала бронзового века Днепро-Донского региона. Историографический анализ по данному вопросу проводился уже неоднократно [9, с. 15-17; 19, с. 3-12], что избавляет нас от повторения соответствующего исследования. Обратим внимание читателей лишь на то, что в научной литературе существуют две диаметрально противоположные гипотезы, касающиеся происхождения памятников малобудковского типа (далее МБТ), представляющих собой ранний этап БК. Согласно одной из них, данный тип памятников генетически связан с марьяновской культурой (далее МК) Левобережного Полесья и Восточнукраинской Лесостепи позднего бронзового века. Содержание второй гипотезы сводится к признанию генетической связи памятников типа поселения Малые Будки с поздняковской культурой (ПК) второй половины II тыс. до н.э. Волго-Окского региона.

Два года назад в «Вестнике ХНУ им. В. Н. Каразина» была опубликована моя статья, в которой были выделены три компонента, занявших в разной степени важности место в происхождении БК – малобудковский, постсрубный и студенокский [6, с. 7-17]. Роль суперстрата автор статьи отвел памятникам МБТ. Поднятая нами тема оживила дискуссию, которая нашла отражение в выходе двух статей А. В. Корохиной, в которых была поставлена под сомнение гипотеза о существовании единой марьяновско-бондарихинской культуры, а так же было высказана поддержка идей Б. Н. Гракова, С. И. Воловика и С. В. Кузьминых о ведущей роли ПК или синкретических поздняковско-раннетекстильных групп памятников в генезисе бондарихинской древности [18, с. 13-18; 19, с. 3-11].

В связи с появлением этих публикаций, автор данной статьи вынужден в очередной раз вернуться к указанной теме и определить место и роль каждого из указанных компонентов в сложении раннебондарихинских (малобудковских) памятников.

Начнем с анализа второй гипотезы. Такой алгоритм нашего исследования позволит более глубоко осмыслить суть понятия марьяновско-бондарихинской линии этнокультурного развития в эпоху поздней бронзы, на реальности существования которой мы настаиваем. По мнению Б. Н. Гракова, изложенному в учебном пособии для студентов-археологов МГУ «Ранний железный век» [16, с. 199]: «В верхних слоях отдельных селищ поздняковской культуры на Цне, в пределах Тамбовской области появляются сосуды бондарихинских форм». Далее он формулирует проблемный вопрос: «... не имеем ли мы основания полагать, что культурные варианты, получившие название малобудковской и бондарихинской стадии, представляют собой позднейшее развитие поздняковской культуры?». Очень важно

дальнейшее его замечание: «Не исключено, конечно, и иное, а именно: бондарихинские племена шли близким путем развития с поздняяковскими, то есть это более западный вариант слияния пришлых срубных племен с неолитообразными по культуре лесными соседями, постепенно вытеснившими чисто срубное население. Родство бондарихинской и поздняяковской культур представляется очень возможным, но пока еще остается все-таки гипотетично».

Как видим в этих цитатах, Б. Н. Граков только создал проблемную ситуацию в студенческой и научной аудитории, высказав две версии своего видения решения данной проблемы. Вторым вариантом его размышлений нам представляются наиболее реалистичным [11, с. 15-16; 12, с. 4-12]. В связи с этим замечанием, обратим внимание на то, что на реках Цна, Мокша и Ока (среднее течение) обнаружена керамика бондарихинского типа с некоторыми малобудковскими признаками (гребенчатые расчески, зубчатый штамп, но без «жемчужного» орнамента) и без какой-либо стратиграфической связи с ПК [1, с. 98-116; 17, с. 23-39; 25, с. 98, рис. 3]. Отмеченное дает нам основание утверждать, что именно из Днепро-Донского региона шло передвижение «бондарихинцев» на Среднюю Оку, а не наоборот. Судя по находкам некоторых бронзовых изделий на этих памятниках, инфильтрация бондарихинских племен в Поочье приходится на период XII-X вв. до н.э.

Первую версию о происхождении БК, которую высказал Б. Н. Граков, без учета высказанных выше замечаний поддержал С. И. Воловик [14, с. 23-28], но с внесением своих дополнений. При защите кандидатской диссертации он сделал попытку доказать, что в сложении памятников МБТ, кроме носителей ПК приняли участие и носители культуры с раннетекстильной керамикой, а так же: приказанской, позднесрубной, сабашиновской, белозерской, белогрудовской, сосницкой, фатьяновской и абашевской культур.

Оценка данному выводу была дана С. В. Кузьминых. Без излишних комментариев приведем цитату из тезисов его доклада, прочитанного в 1996 г. на конференции в Донецке: «Такого рода заключение можно было бы принять, если бы методическая сторона исследования С. И. Воловика была безупречной. Однако все эти построения требуют иной системы доказательств, основанной не только на интуиции, но, прежде всего, на сравнительно-типологическом анализе памятников малобудковского типа с древностями поздняяковской культуры текстильной керамики и других культур позднего бронзового века... Замена такого анализа отрывочными и внесистемными аналогиями, которые совершенно не вызывают доверия, а на поверку оказываются зачастую неправдоподобными, фактически дискредитируют идею Б. Н. Гракова» [21, с. 99-100].

В то же время он высказал идею об участии носителей поздняяковских и синкретических поздняяковско-раннетекстильных памятников в формировании БК. В качестве доказательств своей гипотезы он указал на якобы существующие признаки поздняяковской и ранней текстильной керамики на посуде малобудковского типа, а так же упомянул о каком-то сходстве в погребальной обрядности между этими этнокультурными образованиями. Он же утверждает, что в XV–XIII вв. до н.э. произошло «широкое переселенческое движение» из бассейна Оки в Доно-Донецкую Лесостепь.

Все эти идеи с некоторыми нюансами положительно восприняли Я. П. Гершкович и А. В. Корохина. Они так же не исключают и прямое переселение части этноса из Поволжского бассейна в бассейн Северского Донца [15, с. 78-81; 19, с. 5-6]. А. В. Корохина признает факт наличия памятников МК в Доно-Донецкой Лесостепи, но из-за их малочисленности не видит оснований для выделения второго этапа в ее развитии в указанном регионе. По ее мнению следует говорить лишь об инфильтрации из ареала «классической» МК незначительных групп населения в среду бондарихинских племен [19, с. 4-5]. Анализируя материалы поселения Малые Будки, она же приходит к выводу о том, что в его керамическом комплексе имеются лишь единичные проявления марьяновских традиций, что не дает оснований для утверждения генетической связи между МК и малобудковскими памятниками. В случае нахождения на одном из самых поздних марьяновских поселений Ивановка-Майоров Бугор 2 на Сейме в значительной части керамики малобудковского типа и некоторых экземпляров керамики с синкретическими марьяновско-малобудковскими традициями, А. В. Корохина делает попытку объяснить эту ситуацию контактом между этими «чуждыми» культурными образованиями.

По ее же мнению, мелкозубчатые расчески, мелкозубчатый штамп и «жемчужины», которые являются диагностическими для орнамента малобудковской керамики, не имеет прототипов в МК. Отсюда следует второй ее вывод – истоки указанных признаков следует искать в ПК или синкретических поздняяковско-раннетекстильных группах памятников на Средней Оке. В качестве доказательств этому она ссылается только на одно поздняяковское поселение Ерахтур 5, керамический комплекс которого «содержит значительную группу фрагментов сосудов, аналогичных малобудковским» [19, с. 5-6]. Более того, даже классический бондарихинский орнамент в виде «виноградной грозди», выполненный тычками, по ее мнению, имеет прототип только в культурных образованиях Поволжья.

Все эти аргументы сторонников гипотезы о генетической связи памятников МБТ с культурами Волго-Окского бассейна, по нашему убеждению, не выдерживает критики.

Во-первых, имеющиеся археологические данные не подтверждают сколь-нибудь заметные передвижения «поздняковцев» или носителей культуры с раннетекстильной керамикой в ареал БК. В Днепро-Донском регионе нет ни одного памятника МБТ, где бы была обнаружена керамика с «раннетекстильной», «сетчатой», «ложнотекстильной» или «ниточно-рябчатой» фактурой.

Во-вторых, совершенно несостоятельной является попытка С. В. Кузьминых провести аналогию между погребальными памятниками ПК и БК. Данная тема рассматривалась нами в специальной статье, поэтому нет необходимости к ней возвращаться [12, с. 65-66]. Напомним лишь то, что для ПК характерны подкурганые и грунтовые захоронения, совершенные по обряду ингумации с очень малым количеством кремаций, а в малобудковско-бондарихинском ареале господствуют грунтовые кремационные погребения. С. И. Воловик и С. В. Кузьминых абсолютно ошибочно связывают малобудковские трупосожжения с «домиками мертвых» в Поволжье. Для этого нет никаких оснований.

Большие сомнения вызывают выводы А. В. Корохиной о генетической связи между поздняковской и малобудковской керамикой. Согласно данным О. Н. Бадера и Т. Б. Поповой, судьба «поздняковцев» связана не с населением Днепро-Донского региона, а с носителями культуры раннетекстильной керамики в Среднем Поочье [2, с. 135]. На раннем и развитом этапах ПК наблюдается высокая степень ее близости к срубной культуре и незначительная примесь «сетчатой» керамики в XIV-XIII вв. до н.э. Заметно некоторое увеличение керамики с раннетекстильной фактурой и наиболее далекое распространение поздняковских памятников на север, вглубь лесной зоны. К третьему этапу (конец II – рубеж III/I тыс. до н.э.) начинают преобладать сосуды баночных форм и крупные горшки удлинённых пропорций.

Последнее замечание достаточно красноречиво отражено в материалах поздняковского поселения Ерхатур 5, которое А. В. Корохина отнесла к переходному периоду от Поздняково к Малым Будкам [19, с. 5-6]. По нашим подсчетам горшковидные сосуды на этом памятнике составляют 58,4 %, а банки – 41,6 %. Из них 47,4 % орнаментированы «жемчужинами». Эти данные совершенно несопоставимы ни с одной малобудковской керамической коллекцией. «Жемчужный» орнамент в них не превышает 10 %, а баночные сосуды едва ли достигают 1 % от общей совокупности комплекса.

Особо обратим внимание на то, что в поздняковской керамике отсутствуют образцы керамики с многорядными тычковыми вдавлениями или «жемчужинами» в сочетании с мелкозубчатым штампом и гребенчатыми расчесами на одном экземпляре, нанесенными по всему корпусу сосуда (рис. 1). Если на

малобудковских памятниках такое сочетание составляет до 45-50 %, то на поселение Ерхатур 5 – только 3 фрагмента из 486 украшены двумя рядами «жемчужин». Различна и технология приготовления глиняной массы в поздняковской и малобудковской культурах. В первой из них преобладает шамот, а во второй – чаще использовался кварцевый песок.

Нельзя согласиться с А. В. Корохиной по поводу появления на малобудковских сосудах «жемчужного» орнамента в результате воздействия только носителей ПК. На этом же основании она высказала мысль о генетической связи лебедовской культуры Левобережного Полесья и Среднего Поднепровья с культурами Волго-Окского бассейна. На поспешность решения интересующего нас вопроса в таком направлении, уже давно обращал внимание Я. П. Гершкович. В одной из своих статей он писал: «не следует впрочем, так же забывать, что орнамент в виде глубоких вдавлений, «жемчужин» встречается на посуде «воротничкового» типа в Поволжье.., а так же в лесостепной зоне Правобережной Украины – в комаровской и восточно-тшинецкой культурах» [15, с. 81].

Не обошел вниманием данный вопрос и С. И. Берестнев. В своей монографии, посвященной Восточнукринской лесостепи эпохи бронзы, он отметил, что данный вид орнамента присутствует в материалах позднебронзовых поселений этого региона, на керамике позднебронзовской, белогрудовской, лебедовской культур на территории Украины, а так же на посуде хвалынского, нурского типов, халасюцкого этапа балановской культуры, в материалах финальной бронзы на южном Урале, Зауралье, в Западной Сибири и Восточном Казахстане [5, с. 107-108]. По его мнению, в данном случае речь должна идти о явлении стадийного порядка, такого же масштаба, как распространение валиковой керамики в эпоху поздней бронзы. Обратим внимание на тот факт, что на позднебронзовом поселении у хутора Пустынка было обнаружено более 40 фрагментов с «жемчужной» орнаментацией [3, с. 106].

А. В. Корохина утверждает, что этот вид орнамента на малобудковской посуде не имеет генетических корней марьяновской керамики. Это явная ошибка. Еще почти 40 лет назад С. С. Березанская писала: «Истоки появления в восточно-тшинецкой культуре жемчужного орнамента пока не ясны. В предшествующий период... он известен на керамике марьяновской культуры» [4, с. 122]. Действительно, «жемчужины» в виде наколов внутри зафиксированы на Волинцевском поселении, Суботовском городище (рис. 2, 8-9) и на селище Велика Тополяха 5 [8, с. 17, рис. 2, 9, 13]. Против происхождения «жемчужной» орнаментации в малобудковском керамическом комплексе из ПК свидетельствует и тот факт, что ни на одном раннебондарихинском (малобудковском) памятнике бассейна

Среднего Дона и Средней Оки его нет. Значит, его истоки следует искать в иной этнокультурной среде. Но об этом речь пойдет ниже.

В отношении орнамента в виде «грозди винограда» следует обратить внимание на следующее. Он часто использовался в разных культурах Поволжья, в том числе и в срубной. Дело в том, что этот вариант декора еще ни разу не зафиксирован на малобудковских сосудах и появляется только на посуде классического бондарихинского типа. Скорее всего, его корни следует искать в среде срубной керамической традиции бассейна Северского Донца. К примеру, «гроздь винограда» украшала горшки заключительного этапа срубной общности из кургана у с. Сухая Гомольша [7, с. 89, рис. 2, 5, 20] и поселения Студенок 6 [13, с. 221, рис. 1, 11].

Как ни странно, сложнее решается вопрос о появлении в малобудковском керамическом комплексе орнамента выполненного оттисками мелкозубчатого штампа и гребенчатых расчесов на внешней поверхности сосудов. На ранних марьяновских горшках их нет. Однако почти на всех поселениях в Днепро-Донской Лесостепи, на которых имеется марьяновская керамика, украшенная «гусеничным» штампом или оттисками в виде «колочей проволоки», присутствуют и указанные малобудковские признаки в сочетании из многорядных тычковых или округлоямочных вдавлений.

В отношении марьяновской культуры написано уже много. После исследований В. Е. Куриленко и В. В. Отрощенко [22, с. 45-55] не осталось сомнений в реальности ее существования. В. И. Неприна аргументированно доказала, что на раннем этапе МК в Левобережном Полесье постоянно изменялась [24, с. 17-28] от раннего Волынцевского до позднего Ивановского поселения. На последнем из них в одном культурном слое отмечено совместное залегание керамики марьяновского и малобудковского типов (!). Напомним, что все отложения с керамикой марьяновского типа в этом регионе перекрываются комплексами сосницкой культуры XV – начала XII вв. до н.э., что указывает на вытеснение «марьяновцев» в иные районы. Судя по имеющимся данным, носители МК переселились в Днепро-Донское междуречье, где в настоящее время обнаружены 15 пунктов с керамикой МК. Как и на Ивановском поселении, здесь всегда марьяновская керамика встречается совместно с малобудковской в одном культурном слое. Автор статьи склонен видеть в этих памятниках факт наличия второго этапа в развитии МК [11, с. 4-12]. На керамике этих позднейших марьяновских поселений появляются «жемчужины», мелкозубчатый штамп, гребенчатые расчески и тычки.

К сожалению, МК и БК обделены изделиями из металла, поэтому, сравнение можно проводить только по керамике и каменным орудиям труда, а также, типам памятников. Их объединяет традиция использования кварцита для изготовления сельскохозяйственных и

других бытовых предметов. Много общего у них в домостроительстве и погребальном обряде.

Новации в позднемарьяновской керамике, скорее всего, следует связать не с эволюционным, а с трансформационным путем развития. С. С. Березанская в этом процессе видит влияние внешнего фактора, идущего со стороны срубной культуры [4, с. 121], а А. В. Корохина – в генетической связи с ПК. Кто из них прав – на данный момент судить трудно. Тем не менее, отметим, что гребенчатый орнамент и соответствующая штриховка на внешней поверхности на поздняковской посуде встречается крайне редко [25, с. 133-187]. Нельзя забывать и о том, что эти элементы орнаментации присутствуют и на сосницкой керамике Марьяновского поселения [23, с. 198, рис. 4, 1-2; рис. 5, 13-15], а в сочетании с иными малобудковскими признаками на поселении у с. Волынцево (урочище Попова Левада) [4, с. 41, 214, табл. XIII, 4-5, 9].

Отмеченное не позволяет однозначно связывать диагностические признаки керамики малобудковского типа только с поздняковской культурой и иными группами Волго-Окского региона. Как видим, они могли иметь и местные корни в сосницкой, позднесрубной, постсрубной культурах или студенокской группе памятников.

Таким образом, выводы В. А. Ильинской и С. С. Березанской о генетической связи марьяновской культуры с памятниками малобудковского типа имеют значительно большее количество достоверных аргументов, чем у сторонников гипотезы о поздняковских истоках ПК. Близость посуды марьяновского и малобудковского типов не вызывает сомнений. Общими для них являются форма сосудов, их сплошная орнаментация, основными элементами которой служат горизонтальные елочные композиции, разделенные рядами ямок различных форм (рис. 1). На ряде малобудковских памятников (Малые Будки, Алексеевка, Ницаха, Малая Рублевка 2, Родной Край 1 и др.) встречаются фрагменты керамики, украшенные на манер марьяновской традиции «гусеничным» штампом.

В связи с вышеизложенным, автор статьи не видит оснований для отрицания существования марьяновско-бондарихинской линии этнокультурного развития периода поздней бронзы в Днепро-Донской Лесостепи. Еще раз обратим внимание на то, что на всех позднемарьяновских памятниках от Сейма до Северского Донца и от Днепра до Верхнего Дона зафиксировано совместное залегание керамики указанных типов – марьяновского, малобудковского и бондарихинского. Этот факт не отрицает и А. В. Корохина, но интерпретирует его по-своему, не приводя достаточно обоснованных аргументов [20, с. 18]. В перспективе для решения данной проблемы необходимо сосредоточить внимание на определении хронологических

рамков существования позднемарьяновских памятников в указанном регионе.

Примечания

1. *Алихова А. Е.* Некоторые древние городища Мордовской АССР / А. Е. Алихова // Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Археологический сборник. – Саранск, 1959. – Т. II.
2. *Бадер О. Н.* Поздняяковская культура / О. Н. Бадер, Т. Б. Попова // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – Археология СССР. – М., 1987.
3. *Березанская С. С.* Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре / С. С. Березанская. – К., 1974.
4. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине / С. С. Березанская. – К., 1972.
5. *Берестнев С. И.* Восточноукраинская Лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С. И. Берестнев. – Х., 2001.
6. *Буйнов Ю. В.* К вопросу об этногенезе племен бондарихинской культуры / Ю. В. Буйнов // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2009. – № 852. – Вип. 41.
7. *Буйнов Ю. В.* Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине / Ю. В. Буйнов, В. К. Михеев // Вестник Харьк. ун-та. – 1989. – № 343. – Вып. 23.
8. *Буйнов Ю. В.* Материалы позднего бронзового века из поселения Великая Тополяха на Северском Донце / Ю. В. Буйнов // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2008. – № 816. – Вип. 40.
9. *Буйнов Ю. В.* О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы / Ю. В. Буйнов // Древности. – Х., 1994.
10. *Буйнов Ю. В.* О марьяновской линии этнокультурного развития населения Левобережной Лесостепной Украины и Полесья бронзового века / Ю. В. Буйнов // Проблемы истории и археологии Украины: материалы междунар. научн. конф. – Х., 2001.
11. *Буйнов Ю. В.* Пам'ятки мар'янівської культури в Лівобережній Лісостеповій Україні / Ю. В. Буйнов // Вісник Харківського університету. – 2000. – № 485. – Вип. 32.
12. *Буйнов Ю. В.* Поховальні пам'ятки та поховальний обряд племен бондарихинської культури / Ю. В. Буйнов // Археологія. – 2006. – № 4.
13. *Буйнов Ю. В.* Срубная культурно-историческая общность и бондарихинская культура: вопросы хронологии и взаимосвязей / Ю. В. Буйнов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара, 2001.
14. *Воловик С. И.* Бондарихинская культура (проблема происхождения): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 «Археология» / С. И. Воловик. – М., 1996.

15. Гершкович Я. П. Этнокультурные святы в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье) / Я. П. Гершкович // Археологический альманах. – Донецк, 1998. – № 7.
16. Граков Б. Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы) / Б. Н. Граков. – М., 1977.
17. Іллінська В. А. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? / В. А. Іллінська // Археологія. – 1970. – Т. 23.
18. Корохіна А. В. До походження бондарихинської культури / А. В. Корохіна // Археологія. – 2009. – № 3.
19. Корохіна А. В. Деякі проблеми вивчення генези та розвитку бондарихинської культури / А. В. Корохіна // Археологія. – 2010. – № 1.
20. Корохіна А. В. Керамічний комплекс поселення Іванівка – Майорів бугор-2 на Сеймі та проблема формування бондарихинської культури / А. В. Корохіна // Проблеми історії археології України: матеріали VII Міжнародної научної конференції. – Х., 2010.
21. Кузьменых С. В. О некоторых дискуссионных проблемах изучения бондарихинской культуры / С. В. Кузьменых // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): материалы междунар. конф. – Донецк, 1996. – Ч. 2.
22. Куриленко В. Є., Отрощенко В. В. Динаміка культурних змін за доби бронзи у Мезенському мікрорайоні на Десні / В. Є. Куриленко, В. В. Отрощенко // Археологія. – 1998. – № 1.
23. Морачевський Я. Кераміка мар'янівської стації / Я. Морачевський // Антропологія. – 1930. – № 3.
24. Неприна В. И. Неолитические традиции в культуре ранней бронзы на северо-востоке Украины / В. И. Неприна // Каменный век на территории Украины. – К., 1990.
25. Попова Т. Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки поздняковской культуры на Средней Оке / Т. Б. Попова // Труды ГИМ. – М., 1985. – Вып. 60.
26. Розенфельд И. Г. Северный мыс городища Старая Рязань / И. Г. Розенфельд // Археология Рязанской земли. – М., 1974.

Приложения

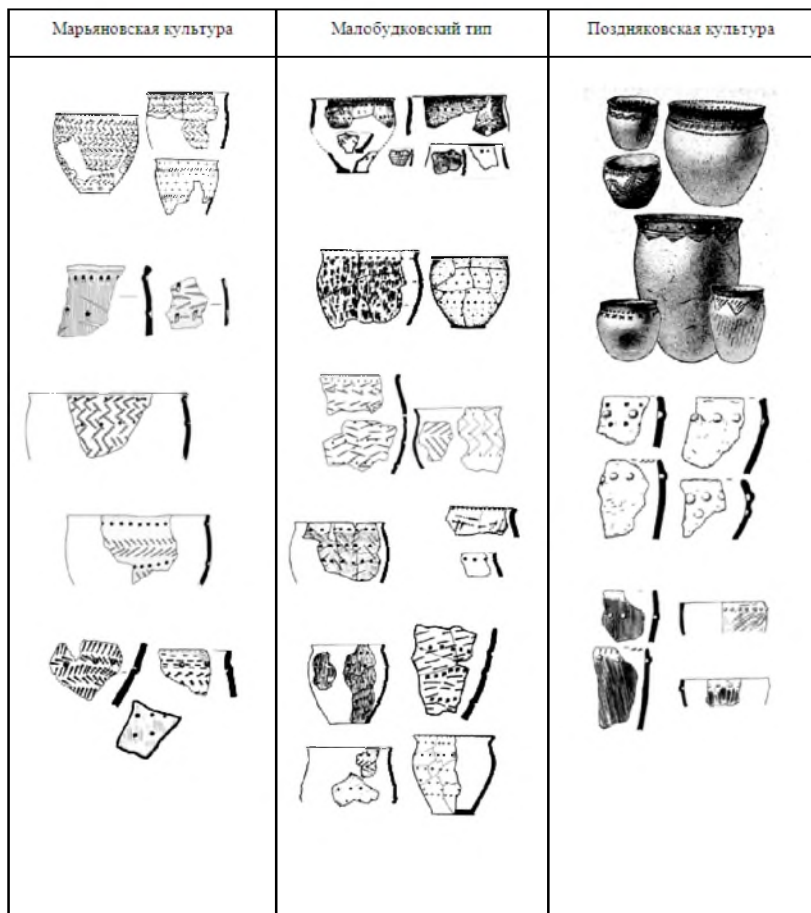

Рис. 1. Сравнительная таблица керамики марьяновской, поздняковской культур и малобудковского типа.

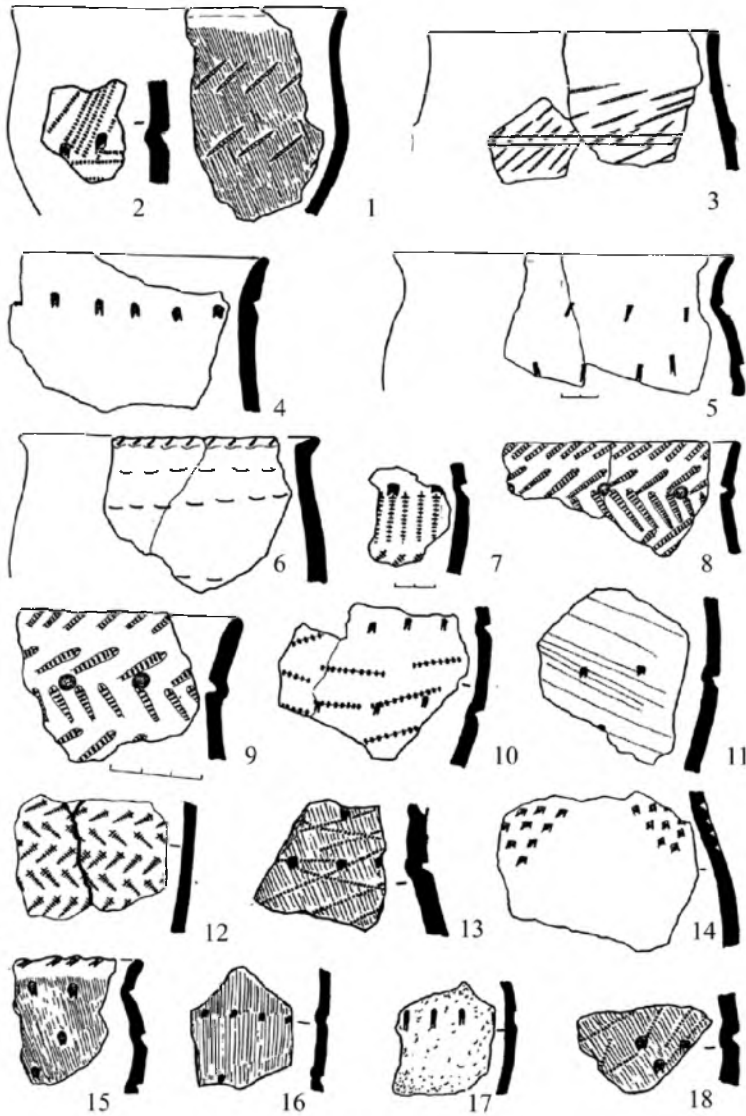

Рис. 2. Керамика марьяновського, малобудківського і бондарихинського типів із нижнього горизонту Субботівського городища